

Петлюра и погромы — письмо Владимира Жаботинского в газету «Последние новости»

Часть украинской печати, обсуждая дело Шварцбарда, совершенно неправильно истолковала мою позицию в вопросе об ответственности Петлюры за погромы 1917 — 1920 гг.

Поводами к этому послужили два обстоятельства:

1) Летом 1926 года я поместил в нью-йоркской газете «Морген-Журнал» статью, где было сказано, что, хотя я Петлюру никогда не видал, убежденным погромщиком его, однако, не считаю; и что вообще в погромах вижу результат не столько субъективного «антисемитизма людей», сколько объективного «антисемитизма событий»;

2) Осенью 1921 года я подписал с Максимом Славинским — пражским представителем тогда уже зарубежного правительства Петлюры — договор

об учреждении при армии Петлюры (остатки ее в то время были интернированы в Галиции) особой еврейской жандармерии специально для предотвращения погромов. (Договор этот не был осуществлен, так как вскоре армия Петлюры была ликвидирована.)

Из всего этого часть украинской печати сделала вывод, будто я считаю Петлюру неответственным за погромы. Полагаю полезным объяснить этой части украинской печати, что она глубоко ошибается.

Вопрос совершенно не в том, был ли Петлюра в душе сторонником погромов или нет. Свое предположение я высказал и считаю его правдоподобным. Но если мое предположение и верно, то я самым резким образом настаиваю, что к вопросу об ответственности Петлюры за погромы оно никакого отношения не имеет. Петлюра был главой украинского правительства и украинской армии в течение двух лет и больше; почти все это время продолжались погромы; глава правительства и армии их не подавил, виновных не покарал и сам в отставку не подал. Значит, на нем лежит ответственность за каждую каплю пролитой еврейской крови. Это так ясно, что тут не помогут никакие отговорки.

Не поможет оправдателям Петлюры и ссылка на то, что погромы, с точки зрения философии истории, являются следствием не столько «антисемитизма людей», сколько «антисемитизма событий». В каждом учебнике социологии сказано, что воровство, бандитизм и пр. объясняются не столько злой волей отдельных людей, сколько давлением социальных условий. Но отсюда никто еще не делал вывода, что индивидуальный вор или бандит «невиновен». Виновен и подлежит каре. Также были виновны и погромщики, резавшие евреев во время управления Петлюры, и подлежали строгой каре. Петлюра их не карал, хотя был главой правительства и армии. Тут философия истории ни при чем: такой глава правительства, такой глава армии виновен в неслыханном и непростительном преступлении пред еврейским народом, пред народом украинским и пред всем человечеством.

Петлюра и погромы

(Письмо в редакцию) «Последние новости»
11/8 1927

Часть украинской печати, обсуждая дело Шарбарда, совершенно неправильно истолковала мою позицию в вопросе об ответственности Петлюры за погромы 1917 - 1920 гг.

Поводом к этому истолкованию послужили два обстоятельства:

1) Летом прошлого года я поместил в нью-йоркской газете «Морнинг-Джурнал» статью, где было сказано, что, хотя я Петлюру никогда не видал, убежденным погромщиком его, однако, не считаю; и что вообще в погромах вижу результат не столько субъективного «антисемитизма людей», сколько результат объективного «антисемитизма событий»;

2) осенью 1921 года я подписал с М. А. Славинским, пражским представителем тогда уже зарубежного правительства Петлюры, договор об учреждении при армии Петлюры (остатки ее в то время были интерпрированы в Галиции) особой еврейской жандармерии специально для предотвращения погромов. (Договор этот не был осуществлен, так как вскоре после того армии Петлюры была ликвидирована).

Изъ всего этого часть украинской пе-

внест социальным условиям. Но отсюда никто еще не делал вывода, что индивидуальной порой или бандити «военно-деятели». Выводы, и поджечь кар. Таки же были виновны и погромщики, рваные евреев во время управления Петлюры, и поджечь строгой кар. Петлюра их не карал, хотя была главой правительства и армии, и хотя это продолжалось больше двух лет. Тут философия истории не при чем: никакой глава правительства, никакой глава армии виновны в несправедливом и непростительном преступлении по отношению пред еврейским народом, пред народом украинским и пред всем человечеством.

Что Петлюра, если бы серьезно захотел, мог бы принять меры к действительному подавлению погромов, — это лучше всего доказывается именно договором моим с его собственным уполномоченным г. Славинским. В этом договоре решено было учредить еврейскую жандармерию: иными словами, легализовать еврейскую самооборону и дать ей право поддерживать порядок силой оружия. Звучит, средство против погромов есть. Но это самое средство видь было на лицо и в 1917-1920 гг.

«Последние новости» с письмом Жаботинского Похороны Симона Петлюры, 1926

Что Петлюра, если бы серьезно захотел, мог бы принять меры к действительному подавлению погромов, — это лучше всего доказывается именно договором моим с его уполномоченным г. Славинским. В этом договоре решено было учредить еврейскую жандармерию: иными словами, легализовать еврейскую самооборону и дать ей право поддерживать порядок силой оружия. Значит, средство против погромов есть. Но это самое средство ведь было налицо и в 1917 — 1920 гг. Ведь и тогда были на Украине организации еврейской самообороны: значит, можно было и тогда их легализовать, дать им оружие, призвать к участию в них всю еврейскую молодежь. Но Петлюра этим средством не воспользовался. Напротив: еврейскую самооборону, под предлогом искоренения большевизма, истребляли его собственные солдаты.

Кем бы ни был Петлюра в душе, ответственность за погромы падает на него; отклонять ее значит не понимать, что такое глава правительства и армии. Если часть украинского общества сделает из этого моего разъяснения вывод, будто я стал недругом украинского национального движения, это будет такой же нелепостью, как предположение, будто я считал Петлюру «невиновным».

Я остаюсь другом украинского движения. Буду по-прежнему стараться ослабить накопившееся в душе евреев справедливое негодование, хотя бы и пришлось для этого ссылаться на философию истории или строить гипотезы о психологии деятелей, мне лично незнакомых. Более того: буду и впредь стремиться к соглашению с украинским движением — как сделал это, между

прочим, в договоре с М. А. Славинским — несмотря на тяжкий грех этого движения пред евреями. Но отрицать этот грех или трактовать его как пустяк — считаю недопустимым. И если есть в украинском движении люди или группы, которые думают, будто погромы — простительная мелочь, будто можно допустить систематическую резню евреев и оставаться героями и чистыми — то таким людям и группам я не друг, а враг и предупреждаю украинское общество, что такие люди или группы и ему не друзья, а враги.

«Последние новости», Париж, 11 октября 1927 года